

Яна Летт

МИР ИЗ ПРОРЕХ

Другой город

Мир из прорех

Яна Летт

Мир из прорех. Другой город

«Альпина Диджитал»

2020

УДК 821.161.1-93
ББК 82(2рос=рус)6-44

Летт Я.

Мир из прорех. Другой город / Я. Летт — «Альпина Диджитал»,
2020 — (Мир из прорех)

ISBN 978-5-96-144161-1

В новой реальности электричество под запретом, потому что оно открывает двери существам из другого мира. Но бывшей Москве удалось сохранить прежнее величие. Сандр, новый правитель города, мечтающий возродить цивилизацию, построил большую лабораторию, где трудятся талантливые ученые. Здесь находит себе работу и Артем, которому льстит благосклонность Сандра. Теперь у них с Каей есть крыша над головой и защита городских стен... Но порой эта безопасность кажется мнимой. Кая чувствует во всем происходящем какой-то подвох. Одна против целого города, она пытается разобраться в том, что скрывают в себе темные подвалы лаборатории. Кая даже не подозревает, насколько близка к разгадке страшной тайны...

УДК 821.161.1-93
ББК 82(2рос=рус)6-44

ISBN 978-5-96-144161-1

© Летт Я., 2020
© Альпина Диджитал, 2020

Содержание

Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Яна Летт

Мир из прорех. Другой город

Редактор Анастасия Маркелова

Главный редактор Л. Богомаз

Руководитель проекта А. Маркелова

Корректор З. Скобелкина

Компьютерная верстка О. Макаренко

Арт-директор З. Войцеховская

Дизайн макета и обложки А. Лойбо

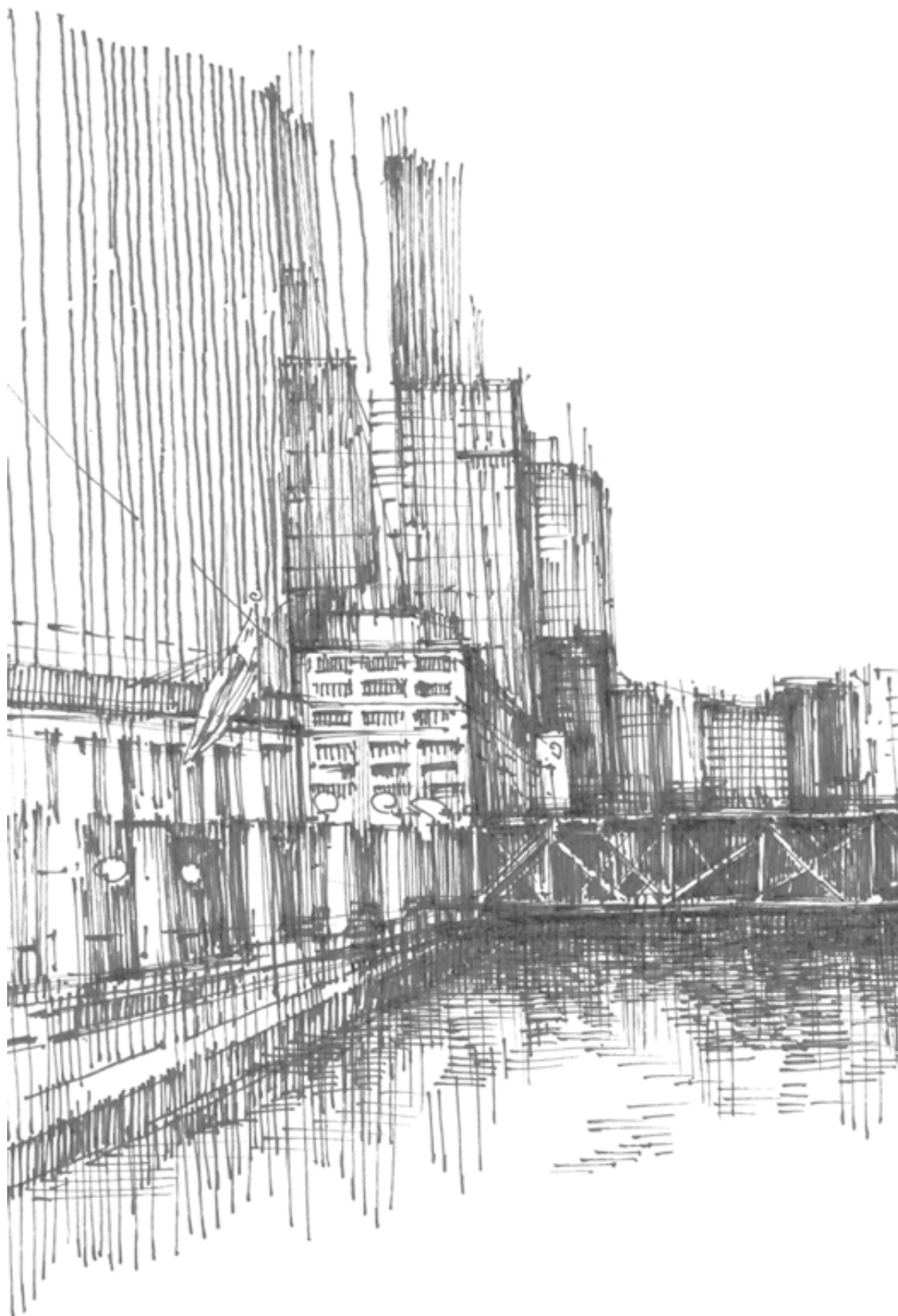
© Яна Летт, 2020

© ООО «Альпина Пабlishер», 2021

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Часть I В небе и на земле

Глава 1

Ган

День, когда что-то огромное появилось в чистом утреннем небе, поначалу ничем не отличался от прочих.

Команда разведчиков, среди которых были и Ган с Тошей, возвращалась домой, в Агано, после удачной вылазки. Они не обнаружили и следа чужаков, вести о которых доходили до княжества в последние несколько дней из Ри, их подконтрольной общины, зато на обратном пути славно поохотились и теперь везли с собой две олени туши, перекинутые через седла коней.

Ган шел в некотором отдалении от группы – гнедого Геза он предоставил для перевозки одной из туш и теперь рассеянно смотрел на безжизненную оленью голову, чьи царственные рога запылились и едва не касались земли. Геза вел под уздцы Тоша. Он, как всегда, был горд собой и всем доволен и о чем-то подробно рассказывал светловолосой Зиме, охотнице из Ри. Зима рассеянно слушала, то и дело поглядывая на кого-то из идущих впереди... Впрочем, Тоша, судя по покрасневшимся пухлым щекам и довольной улыбке, явно считал, что все идет как надо.

Остальные тоже выглядели довольными: уставшие ночевать под открытым небом и проводить дни напролет в седле, теперь они наконец собирались отдохнуть: несколько дней танцевать, пировать, петь песни – в этом в Агано знали толк. Время от времени Ган ловил на себе взгляды кого-то из них, выжидательные или восторженные, встревоженные или просительные. Он привык к этим взглядам, но сегодня ему не хотелось их замечать.

Прошло уже больше двух месяцев с тех пор, как он оставил Каю с Артемом в Северном городе. Ган не раз обещал себе не следить за временем, но потом обнаруживал, что невольно продолжает вести отсчет. Он точно помнил день, когда простился с Каей. Поначалу он был уверен, что воспоминания о ней сгладятся, испарятся, как ночной туман с первыми солнечными лучами, но время шло, а они становились только ярче. Рыжий оттенок ее волос, внимательный и серьезный взгляд серых глаз, ее порывистые движения, прямая и быстрая походка... Иногда мысли о Кае терзали его особенно сильно. Как, например, сегодня.

– Эй, князь! – жизнерадостно окликнул его Тоша, подводя Геза ближе. – А что скажешь, не приказать ли изжарить этого оленя, как приедем домой, в наше славное княжество? Устроили бы пир на весь мир, а?

Говоря, он искоса поглядывал на Зиму; проверял, заметила ли она, что он с князем на короткой ноге. Обычно это забавляло Гана, но не сегодня.

– Ночи становятся длиннее, а вечера – холоднее, – отозвался он сухо. – И тебе, мой добрый друг, стоило бы больше думать о подготовке к холодам, а не о пирах и празднествах.

Тоша сник, и Ган почувствовал досаду: в последнее время он ощущал себя постаревшим лет на десять, и образу, который он так долго и кропотливо создавал, чтобы управлять княжеством, это на пользу не шло. Нужно было что-то делать.

Ган рассеянно провел пальцами по сети шрамов, много лет назад испещривших левую половину подбородка и часть щеки, и, как всегда в минуты задумчивости, отбросил с лица прядь темных волос, заправил ее под тонкий золотистый обруч. Ночи действительно становились длиннее, и лесные псы, смелея, были все ближе к стенам. Некоторые твари недолюбливали холод, и это было хорошо, но других, наоборот, он делал сильнее. Конечно, было еще далеко до настоящей осени, но Ган видел, что его люди становятся все напряженнее, и не последнюю роль в этом играло то, как он держал себя с ними. Раньше их питала его самоуверенность и веселость. Он был их князем, который создал для них Агано и придумывал в нем все новые и новые игры, а значит, не имел права ни скучать, ни грустить.

– Эй, Тоша, – он через силу ухмыльнулся, – я подумал, может, ты и прав. Конечно, нам с вами, мои добрые подданные, стоит делать запасы, но от половины оленя их не убудет, не так ли? Пир так пир! Нам всем не помешает повеселиться. – Он кивнул в сторону отвернувшейся Зимы и подмигнул Тоше. Тот тут же просиял в ответ – его обожание легко было вернуть. Иногда Гану казалось, что Тошу невозможно заставить в нем усомниться.

– Открыть ворота! Князь вернулся! Ган дома!

Еще не разглядев, кто именно стоит на вышке, Ган уже понял по зычному голосу, что сегодня там дежурит Шрам, их врач. Князь рассеянно сделал мысленную пометку: дать Шраму понять, что как врач он слишком ценен, чтобы торчать на вышке. Главное – столкнуться с ним как бы случайно и говорить мягко. Иначе Шрама легко уязвить.

Тяжелые створки ворот медленно и беззвучно открылись – но, вопреки обыкновению, жители Агано не бежали встречать всадников. На главной улице княжества было на редкость безлюдно, и Ган опустил ладонь на рукоять пистолета у пояса, другой рукой проверяя, легко ли вынимается меч из ножен.

– Ган! – Со стороны теплиц, перепрыгивая через глубокие лужи, еще не высохшие после недавнего дождя, к нему навстречу неслась Саша.

Время в Агано пошло ей на пользу – темные кудрявые волосы были украшены десятком косичек со стеклянными бусинами и пятнистыми перышками, в последнее время вошедших в моду у девушек княжества. Ее щеки разрумянились от бега, а тело стало более гибким и крепким с тех пор, как, благодаря Кае и Артему, она вместе с сестрой выбралась из города Тени и явилась в Агано. Тогда на ней был грязный балахон из тех, что носили фанатики, от которых они еле унесли ноги. Теперь же она была одета в светло-голубую тканую тунику, джинсовые штаны, перешитые из одежды старого мира кем-то из местных мастериц, и кожаные сапоги до колена. Туника была измазана глиной – видимо, до приезда Гана она лепила горшки с сестрой. Он поймал на себя на том, что слишком пристально рассматривает ее, и почувствовал досаду.

Кажется, она с трудом подавила желание броситься прямо к нему – резко затормозила сапожками в шаге от лошадей, не сводя с него сияющих глаз.

– Ган, – повторила она, на этот раз чуть тише, – ты вернулся! Там...

– Как видишь, моя леди, – отозвался он в шутливой манере, установившейся в последнее время между ними. – Но что это случилось с жителями нашего славного княжества? Почему не выходят встречать своего князя и бравых добытчиков?

– Ган, скорее, – возбужденно затараторила она, нервно переступая на месте, – там, у восточной вышки, все смотрят... Ган, там что-то в небе!

– В небе? – настороженно переспросил он и придвинулся ближе к ней. Его группа была слишком занята оленями, а значит, еще какое-то время можно скрывать от них происходящее, что бы это ни было. – Что значит «в небе»? Ты имеешь в виду гарпий или...

– Ох, нет! – Кажется, она и вправду была сильно взбодоражена, если перебивала его, сама того не замечая. – Это... вообще ни на что не похоже, идем, сам увидишь...

– Ну что ж... Добрые люди, прошу, разгружайте коней, отдыхайте с дороги, – торопливо бросил он назад, – дела не ждут! – И добавил уже тише: – Пойдем.

Саше приходилось подстраиваться под его широкий шаг, но, кажется, ее это не смущало. Пыхтя, она почти бежала рядом с ним, продолжая возбужденно тараторить на ходу. В этом они с Тошей были похожи – кажется, не было ничего, что Ган мог бы сделать, чтобы заставить их в себе разочароваться. И, наверное, это должно было его радовать, но Ган чувствовал только скуку.

Похоже, почти все жители Агано столпились у восточной вышки. Неподалеку лежало на земле белье, развешанное кем-то сушиться, – любопытные снесли его и втоптали в грязь. Взрослые возбужденно переговаривались, дети галдели, путаясь у взрослых под ногами. Белая лохматая собака, отзывавшаяся на все клички, обычно бежала к воротам, чтобы по-хозяйски встретить всадников... На сей раз ей было не до этого. Вывалив ярко-розовый язык, она скакала рядом с людьми, лая и поскуливая, бешено виляя хвостом, внося свою лепту в общее волнение.

Завидев Гана, люди расступились, пропуская его вперед.

– Князь, погляди!

– Оно там, над деревьями висит, Танк первый увидел, а потом меня позвал...

– Да вы ползайте, на вышку ползайте, так виднее будет...

Ган и без вышки видел странный предмет, парящий в небе, но молча полез наверх, просто чтобы посмотреть на него спокойно, а не в окружении возбужденной толпы, дышавшей над ухом и мешавшей думать.

Воздух на вышке был, казалось, прохладнее. У деревянных перил толпилось человек пять, но все они, с любопытством и тревогой поглядывая через плечо, стали спускаться вниз, освобождая ему место. Ган подошел к перилам.

То, что появилось прямо рядом с его княжеством, было ему совершенно неизвестно, и, возможно, ему стоило испугаться. Формой оно напоминало огурец и выглядело абсолютно гладким. Внизу, под «огурцом», Ган увидел что-то вроде вагончика. Конструкция начала двигаться быстрее, и через пару минут Ган разглядел крохотные круглые окошки, похожие на морские иллюминаторы с картинок, а потом и то, из-за чего поначалу ему показалось, что чужаки на летающем судне терпят бедствие... Между продолговатой частью и вагоном с окошками пылали три костра, но уже через пару минут стало ясно, что их пламя, ровное и мощное, полностью контролируется людьми на корабле. Прищурившись, Ган сумел различить крохотные фигурки, прильнувшие к иллюминаторам.

Он почувствовал, как к нему возвращаются силы. Впервые за много дней он снова был собой. Прекрасное ощущение! Там, над верхушками деревьев, парила загадка, которую нужно было разгадать, угроза, с которой предстояло сразиться, – и это было как раз по его части.

– Что это за штуковина? – Тоша, тяжело дыша, встал рядом с ним, благоговейно разинув рот. – Ган... Это... что такое? Нечисть?

Сразу вслед за ним из люка в полу вышки показалась кудрявая Сашина голова.

Ган медленно покачал головой:

– Нет, не думаю. Видишь форму? И пар, – прошептал он уже себе под нос, – пар... Умно.

– Что? – Тоша смотрел на него во все глаза. – Пар? В смысле, «пар»? Так это не нечисть, нет?

– Нет, не нечисть. – Ган рассеянно постучал по перилам. – Ступай вниз, Тоша. Вели всем приготовиться и вооружиться. Пусть защитники поднимутся на вышки, а стрелки – в гнезда на стенах. Скажи матерям, чтобы спустились с детьми в погреба. Дружину – к оружию, всех. Вече – ко мне. Возможно, разговорами дело и ограничится, но осторожность не повредит.

Тоша кивнул и торопливо спустил ноги в люк – в опасных ситуациях он становился серьезным и реагировал быстро, и именно это, а не его абсолютная преданность, делало его ценным помощником.

– Думаешь, они поговорить хотят? – Саша встала рядом с ним, не отрывая взгляда от воздушного судна на горизонте.

– Если бы хотели атаковать, думаю, заходили бы с другой стороны. – Ган показал пальцем на солнце. – Видишь, так они у нас как на ладони. Идиотский поступок, если они действительно хотят боя.

– Может, они просто очень уверены в себе, – пробормотала Саша.

Это Ган предпочел пропустить мимо ушей – разумеется, об этом он уже и сам подумал... И такой вариант ему совсем не нравился. Как могли быть вооружены люди, чьих ресурсов хватило, чтобы построить такую огромную машину? Откуда они взялись и чего ради проделали путь до Агано?

– Забери Ингу, – сказал Ган, – спрячьтесь, слышишь? И не выходите, пока не позовем. Мы разберемся.

– Я попросила Шрама забрать Ингу. Я хочу остаться с тобой. Можно?

– Нет, нельзя, – отозвался Ган куда резче, чем собирался, и добавил уже мягче: – Позаботься о своей сестре, Саша. Если нужно будет еще и о тебе волноваться... В сражении это мне мешает.

Ган рассчитал верно: Шашины глаза радостно сверкнули, когда она услышала, что он будет беспокоиться о ней.

– Ладно, – неохотно протянула она, – пойду...

Оглянувшись на люк через плечо, она робко коснулась губами его щеки. Чтобы дотянуться, ей пришлось встать на цыпочки. Кае достаточно было бы приподнять голову – к тому же к ней он бы наклонился и сам.

– Пожалуйста, будь осторожен, – шепнула Саша, отчаянно краснея и комкая края голубой туники. – Я пойду.

Ган кивнул Саше и постарался улыбнуться по-доброму – всего на мгновение ему стало ее жаль... Но почти сразу он забыл о ней – и еще с минуту стоял на вышке один, пристально всматриваясь вперед.

Воздушный корабль приземлился недалеко от границ княжества, на опушке леса, и Ган приказал выжидать. Вместе с несколькими защитниками и своим вече он занял место на вышке над главными воротами, чтобы первым увидеть экипаж корабля. Тоша и некоторые другие рвались выступить навстречу чужакам, но было бы чистым безумием выходить из-под защиты надежных стен, не зная ни численности вновь прибывших, ни их намерений. К тому же князь был абсолютно уверен: гости не заставят себя долго ждать... И он оказался прав.

Чужаков, во всяком случае тех, кто решил выйти к жителям Агано, было не так много. В группе, подошедшей к главным вратам, Ган насчитал пятнадцать человек. Одеты чужаки были хорошо, в черную и коричневую кожу, сияющую на солнце металлическими цепочками и заклепками. Вооружены они были огнестрельным оружием причудливого вида – судя по всему, многозарядному, у некоторых Ган заметил оптический прицел... Впрочем, на поясе у чужаков висели и ножи, и короткие мечи. В большинстве своем это были мужчины, рослые и сильные, хотя в хвосте Ган заметил и пару женщин с короткими стрижками и грубыми лицами. Во главе группы тоже шла женщина – очень высокая, лет пятидесяти, с длинными черными косами с проседью, уложенными в замысловатую прическу. Ее глаза были скрыты черными очками с квадратными стеклами, а черная кожаная куртка украшена многочисленными нашивками, цепочками и заклепками, позвякивающими при каждом шаге. В правой руке она несла белый флаг – символ мирных намерений... Впрочем, от Гана не укрылось и то, что вторую руку женщина держала на рукояти пистолета или ножа – с высоты было не разглядеть.

– Приветствуем вас, чужеземцы! – Ган сделал шаг вперед, мысленно прикидывая: достаточно ли он далеко, чтобы его не достали выстрелом? – С чем вы явились ко воротам славного княжества Аганского?

Женщина откашлялась в некотором недоумении, а потом закричала в ответ:

– С кем мы говорим?

Тоша сделал шаг вперед, разве что не приплясывая от гордости и нетерпения.

– Вы имеете честь говорить с Ганом, князем Агано, властителем окрестных лесов, дофином Ри, Авденалии, Лории, главой большого вече, главнокомандующим аганской дружины! – проорал он. – Наш владыка приветствует вас! Жители Агано всегда рады гостям, если они приходят к нам с добрыми... добрыми...

– Намерениями, – шепнул кто-то у Гана за спиной.

– Намерениями! – выкрикнул Тоша с облегчением и покосился на Гана. Тот едва заметно кивнул.

Женщина усмехнулась:

– Мы не хотим конфликта. Мы пришли для мирных переговоров. Нам есть что предложить вашему... княжеству.

Ган бросил быстрый взгляд на вече. Тоша, бородатый Ник, старше его в два раза, Шрам, поглаживающий бритую голову, – все смотрели на князя не дыша, ожидая его решения.

– В знак добрых намерений, – крикнул Ган, – вам придется сложить оружие у стен и войти в Агано без него. Вам вернут оружие, когда захотите уйти.

Несколько мгновений женщина перешептывалась со своими спутниками, а потом снова повернулась к воротам.

– Справедливо! Но кто гарантирует нам безопасность в ваших стенах?

– Даю вам свое слово! – крикнул Ган.

– Князь дает вам слово! – зачем-то повторил Тоша. – А он его не нарушает.

– Если этого мало, – сказал Ган, видя колебания женщины, – боюсь, переговоров не будет.

Не мы пришли к вам, а вы к нам.

Еще несколько минут женщина шепталась с мужчинами, стоявшими к ней ближе всех, а потом кивнула Гану.

– Хорошо! Мы полагаемся на ваше слово! – Она повернулась к своим людям. – Сложить оружие.

Чужаки покорно отстегнули от поясов пистолеты и ножи, и женщина кивнула Гану:

– Мы выполнили ваши условия. Вы выполните наши. Через два часа мы должны будем выйти из поселения... Иначе наши друзья на дирижабле начнут беспокоиться.

Ган кивнул:

– Мы договорились.

Ворота медленно открылись, впуская чужаков. Ган торопливо спустился с вышки, раздавая указания, кивнул Тоше и Шраму:

– Оставайтесь рядом со мной. Ник, вели собрать их оружие. И будьте настороже.

Многие пришли посмотреть на чужаков. Люди от вышки уже перебежали к воротам, и теперь здесь собралась большая часть аганской дружины. Ган не возражал. Гости продемонстрировали свою силу, он продемонстрирует свою. В стенах Агано было много людей, обученных и вооруженных.

Оказавшись в Агано, темноволосая женщина, нарочито игнорируя глазающий на нее народ, шагнула к Гану и протянула руку:

– Капитан Стерх. Дирижабль, который я привела сюда, – «Герберт У.».

Ее рукопожатие оказалось по-мужски твердым, а рука – холодной.

– Мой экипаж. Мой старший помощник. – Капитан Стерх небрежно кивнула в сторону мрачного громилы.

– Мое вече. – Ган кивнул на Тошу и остальных. – Антон, моя правая рука и мой герольд. Шрам, главный лекарь Агано. Ник, главный кастиелян...

Он представил еще нескольких человек, несмотря на то что капитан Стерх нетерпеливо притопывала черным тяжелым сапогом. Что ж, она скоро улетит, откуда прилетела, а вот его люди останутся с ним – и не забудут, что он оказал уважение каждому... Так что придется ей потерпеть.

– Рада знакомству, – скривив губы в улыбке, выдавила капитан Стерх таким тоном, каким обычно желают скорейшей смерти. – Князь... Ган, верно? У нас не так много времени, и, если это возможно, я хочу поговорить один на один.

Ган быстро переглянулся с Тошей и сказал:

– Мы можем побеседовать у меня дома. Ваши люди подождут снаружи – вместе с моими. Стерх коротко кивнула:

– Годится.

Пока они шли к дому всей толпой, Ган пропустил капитана Стерх вперед в сопровождении Шрама, подозвал Тошу и негромко произнес:

– Проследи, чтобы они не шлѣлись здесь. Займи их и следи, но не болтай лишнего.

– А остальные? – Когда нужно, Тоша умел говорить тихо и незаметно, одним уголком рта.

– Пусть все остаются на местах. И отправь кого-нибудь к дому с торца – на всякий случай.

– Понял, Ган.

Дом Гана, выращенный желтый краской, ничем не отличался от прочих домов Агано, и капитан Стерх и ее спутники выглядели слегка обескураженными, когда процессия остановилась у порога.

– Прошу вас, капитан. – Ган пропустил женщину в прихожую и мягко закрыл за собой дверь. – Чего желаете испить? Не приказать ли прислужницам доставить нам брусничной воды или чего покрепче? Или, возможно, вы проголодались в пути?

– Ничего не нужно, спасибо, – сухо отозвалась капитан Стерх, разглядывая сложенный из речных плоских камней камин и ковер из оленьих шкур перед ним.

На мгновение, совершенно не к месту, он вспомнил Каю, раскрасневшуюся, в одежде, насквозь мокрой от дождя, сушившую косу у огня на этом самом ковре; вспомнил, как она улыбалась ему и как сильно была напугана и взволнована тем, что он мог бы сделать с ней, но не сделал... Возможно, стоило. Быть может, тогда он бы уже давно и думать о ней забыл – тем более сейчас, когда это было совершенно не к месту.

– Что ж, – он принужденно улыбнулся, – действительно, полагаю, вы проделали этот путь не ради брусничной воды... Хотя мое княжество ею славится. Но если нет... Тогда ради чего?

Он опустился в плетеное кресло перед столом, заваленным книгами и картами, и кивком предложил капитану занять второе. Она села напротив, закинула одну ногу в тяжелом ботинке на другую.

– Я перейду сразу к делу, князь. Я и моя команда летунов прибыли из Красного города, в прошлом Москвы, по приказу нашего императора, господина Сандра. Это имя вам, вероятно, известно?

Ган, помедлив, покачал головой:

– До сих пор новостей из бывшей столицы до нас не доходило.

Он лихорадочно размышлял – именно в Москву ушли Кая и Артем, не зная, что именно их там ждет... Он сам был убежден в том, что Москва превратилась в огромный могильник, как и Северный город, – выходит, напрасно?

– Я бы не стала торопиться называть Красный город бывшей столицей. – Стерх сделала особый акцент на слове «бывшей».

Ган пожал плечами:

– Полагаю, вы правы. Если больше не существует государства, что толку говорить о столице?

Капитан Стерх улыбнулась и сняла черные очки. Ее глаза оказались темно-карими, почти черными, и цепкими, как у гарпии или хищной птицы. Рядом с ухом у нее Ган заметил маленькую татуировку – черный круг, перечеркнутый наискосок.

– Справедливо. Тем не менее я могу со всей уверенностью сказать, что ситуация может измениться, и очень скоро. Крупный город, обладающий огромными ресурсами, стоящий на пересечении потенциальных торговых путей... имеет все шансы вернуть себе влияние.

– Потенциальных торговых путей, – повторил Ган, по примеру капитана подчеркивая слово «потенциальных». – Но, как нам обоим хорошо известно, для реальных торговых путей нужна стабильность... О какой стабильности может идти речь, когда никто не знает, где и когда в следующий момент откроются новые прорехи?

– «Прорехи». – Капитан Стерх произнесла это медленно, как будто пробуя новое слово на вкус. – Князь, я успела понять, что вы – умный человек... Большая редкость для такой глуши. Поэтому буду говорить с вами откровенно. Сандр – наш император – стоит на пороге великих открытий... Все мы – на пороге великих перемен. Все эти годы люди в Красном городе не теряли времени даром, и теперь мы действительно близки к тому, чтобы решить проблему... нестабильности нашего мира раз и навсегда.

Ган молчал. В голове роились десятки вопросов, но он понимал: лучшее, что можно сделать, – молчать и ждать, что последует дальше.

Не получив реакции, Стерх продолжила, цепко впиваясь в него взглядом темных птичьих глаз:

– Вы – не первая община, которую мы посещаем, и не последняя. Но мы выбираем только самые многообещающие, чьи лидеры построили что-то значимое. Эти общины будут иметь вес в новом мире, созданном нами... Совместными усилиями, разумеется. Мы видели ваши территории сверху. И нам хорошо известно, что это место – Агано – не единственное поселение под вашим контролем. Вместе мы могли бы многого добиться.

Ган хмыкнул:

– При всем уважении, капитан... Вы – не первый человек, от которого я слышу что-то подобное. Более того, я и сам каждый день говорю красивые слова своим людям. И, как вы заметили, мы и так сумели многого добиться... Без посторонней помощи. Не думаю, что ваше предложение... в чем бы оно ни заключалось... мне интересно.

Капитан Стерх снова улыбнулась – на сей раз в ее улыбке была снисходительность:

– Я ждала этого ответа. Разумеется, вы не обязаны принимать мои слова на веру. Вы уже видели мой дирижабль – но мне есть что еще вам показать. – Она запустила руку во внутренний карман кожаной куртки и извлекла конверт, положила на стол перед Ганом. – Здесь фотографии. Они сделаны недавно – да, после События. Это Красный город – такой, каков он сейчас.

Ган подвинул к себе конверт и достал стопку твердых и гладких листов. Он уже видел изображения такой точности в книгах. Сомнений быть не могло – это и вправду были фотографии. На них многоэтажные дома мерцали разноцветными огнями, толпы безоружных людей, сытых, одетых в причудливые наряды, которые совсем не годились для леса, шли по улицам, ехали в металлических машинах с паром, вырывающимся из труб. Над высокими городскими башнями парили разноцветные дирижабли, вились яркие флаги... Ган медленно перекладывал фотографии, стараясь сохранять спокойствие. Конечно, они могли оказаться подделкой... Но если нет? Что это значило для Агано – и для него самого?

– Что думаете? – Капитан Стерх слегка потянулась, прямее села в кресле.

– Я видел мало фотографий, но знаю, что при необходимости их можно и приукрасить, – осторожно сказал Ган, продолжая рассматривать снимки.

– Я понимаю, что этого может быть недостаточно. – Теперь голос капитана Стерх звучал не так жестко, как прежде, стал вкрадчивым, обволакивающим. – В скором времени правитель Сандр организует встречу в наших стенах. Встречу для представителей крупнейших общин... Большая община в наше время – знак, что человек, стоящий у ее основания... заслуживает уважения. Мы хотим, чтобы такие люди услышали нас, и хотим услышать их. Мы не хотим войны или интервенции... Напротив, жаждем сотрудничества. Мы предлагаем новые торговые пути, систему кооперации для защиты и торговли, гуманитарную помощь для тех, кто в ней нуждается. Разумеется, вам не обязательно присутствовать там лично. Отправьте послов – мы вернем их в целостности и сохранности. – Она рассмеялась, как будто между ними все было решено. – Думаю, вам уже стало ясно – мы их не съедем.

– Моих домыслов и вашего остроумия недостаточно для того, чтобы я согласился рисковать жизнью даже одного моего человека, – сказал Ган резко и отодвинул фотографии. – Если я решусь принять ваше предложение, вы должны будете оставить кого-то из своих людей в Агано. Мы здесь тоже не грешим каннибализмом... Даже по отношению к тем, кто вмешивается в наши дела. – Ган коротко рассмеялся, но капитан Стерх не улыбнулась его шутке. Некоторое время он молча ждал ответа и, не дождавшись, встал, показывая, что разговор закончен.

– Было приятно познакомиться, капитан. Ваши люди...

– Подождите. – Лицо Стерх скривилось, как будто она глотнула несвежего молока. – Ладно. Думаю, это возможно. Этот... обмен может быть осуществлен. Когда вы сможете принять решение?

Ган улыбнулся:

– Уже принял, капитан.

Глава 2

Артем

Прошло уже две недели с тех пор, как они присоединились к каравану, но Артему удалось надолго ускользнуть ближе к вечеру только в третий раз. Кая смотрела на его отлучки сквозь пальцы, хотя и считала, что он играет с огнем. К счастью, у нее были дела поважнее, чем следить за ним, – наблюдать за караванщиками. Кая не доверяла ни главе каравана, женщине, которую все называли Мама Лита, ни ее телохранительнице, угрюмой и молчаливой Лее, да и вообще никому из тех, с кем они уже много дней путешествовали и жили бок о бок.

Продираясь через кусты, Артем думал о том, что доверился бы людям, которые до сих пор не сделали им ничего дурного... С другой стороны, возможно, именно подозрительность Каи до сих пор спасала их обоих от серьезных неприятностей.

Артем зябко повел плечами – вечера становились все холоднее, напоминая, что теплые дни не будут длиться вечно. Но Артем все еще исправно вел дневник и знал, что лето далеко от завершения.

Листья клена, под которым остановился Артем, начинали рыжеть, покрылись темными пятнами и дрожали на тонких стеблях, как старческие ладони. Артем прислонился спиной к стволу, прикрыл глаза и попытался выбросить все лишнее из головы. Это было сложно – не столько из-за необходимости не забывать держать руку на рукояти ножа у пояса, сколько из-за мыслей о Кае, о себе и о том, что цель их путешествия уже совсем близка.

Строго говоря, ни Кая, ни он сам не слишком хорошо представляли себе, что их ждет по прибытии в Красный город и с чего им начать, когда они там наконец окажутся. «Разберемся по ходу дела», – говорила Кая, когда он пытался расспрашивать или строить планы. Казалось, с тех пор, как они начали двигаться в сторону Красного города, Кая что-то для себя решила. Если она и волновалась, то никак этого не показывала.

Артем не разделял ее спокойствия, но сейчас это было необходимо – иначе ничего не получится. Он отошел достаточно далеко от лагеря. Поздние лучи с трудом проникали сюда сквозь кроны деревьев... А если кто-то из караванщиков окажется поблизости, от посторонних взглядов защитят густые заросли.

«Приди, – думал Артем, стараясь сосредоточиться на одном этом слове: – Приди. Приди. Приди».

– Приди, – шепнул он вслух, не сдержавшись, хотя уже знал по опыту почти месяца попыток, что это не поможет, – ну, давай. Приди!

Колючие кусты, цветущие крохотными алыми цветочками, слегка колыхнулись, и Артем вздрогнул от радостного предвкушения. «Приди, приди, приди», – пел его внутренний голос, торжествуя, и Артем почувствовал, как, щекоча шею, потекла вниз по спине капелька холодного пота. Ему очень хотелось отбросить слишком сильно отросшие темные волосы с лица, но он не осмелился – боялся сбить настрой. Строго говоря, в том, что волосы так отросли, он нашел свои плюсы – теперь не видно было ушей, всегда казавшихся Артему чересчур оттопыренными, и даже длинные ресницы и никак не желавшая выглядеть мужественно щетина будто перестали бросаться в глаза. Или ему так только казалось.

Кусты замерли, словно в нерешительности, и Артем тихонько чертыхнулся.

– Приди, – отчаянно повторил он, надеясь усилить мысленный призыв, – видишь, я больше не думаю обо всякой ерунде... Ой... Приди!

Кажется, его упорство заставило кусты смириться – с негромким шуршанием они разошлись, как тяжелый занавес, и к клену, неспешно паря в прозрачном вечернем воздухе, приблизился Тень.

Еще несколько недель назад Артему казалось, что он никогда не привыкнет к тому, как выглядит Тень, – огромному черному телу, то ли чешуе, то ли перьям на нем, четырем когтистым конечностям... И особенно к тьме, клубившейся там, где должно было быть лицо – или морда, – прямо над зубастой пастью и тонкими змеиными ноздрями...

Когда Тень впервые явился ему, застав одного в лесу, Артем был абсолютно уверен, что жить ему осталось меньше минуты. Тогда он просто ошеломенел и мысленно твердил: «Не трогай меня, пожалуйста, не трогай, не трогай...» А потом вдруг впервые почувствовал то, что потом стал называть «контактом». Его мысли и слова как будто текли, струились сквозь сознание Тени, который стал отвечать.

Тень не тронул его. Он продолжал пытаться говорить с Артемом. И являлся, иногда по зову, а иногда и по своей воле, когда Каи не было рядом. И постепенно любопытство взяло верх над страхом.

«Здравствуй», – сказал Артем мысленно, изо всех сил стараясь не дрожать и стоять прямо, глядя в темный, равнодушный туман над ноздрями Тени.

«Здравствуй», – раздался у него в голове голос Тени, пахнувший лесом и гнилью, сыростью и туманом. Артем давно перестал задаваться вопросом, как вообще голос в голове может чем-то пахнуть, – у него и так хватало загадок. Например, он до сих пор не знал, как объяснить, что Тень отвечал на его реплики с такими же точно интонациями, какими были его собственные, – как равнодушное, холодное эхо. Насколько развитым интеллектом он обладал на самом деле? Артему оставалось только гадать.

«Он. С ты».

Артему не нужно было переспрашивать, чтобы понять, о чем спрашивает Тень, – существовала лишь одна вещь на свете, которая могла волновать их обоих.

«Нет, – ответил он. – Он у Каи».

Тень неспешно перевернулся в воздухе – теперь он парил совсем близко к Артему вниз головой, и с его длинных клыков на укрытую сухими листьями землю стекала зеленоватая вязкая слюна. На этот раз Артем не услышал ни слова – он чувствовал только эмоцию Тени – продолжительную, ленивую... Непонимание.

«Кая, – повторил Артем медленно, мысленно растягивая обе гласные в ее коротком имени. – Она. Девушка. Она. Со мной. Кая».

Тень снова медленно повернулся в воздухе.

«Она, – повторил он, и на этот раз в его мысленном голосе было узнавание. – Она».

Артем пошатнулся от чужого видения, ударившего его сознание резко, как таран. На мгновение он увидел Каю – с досадой отбрасывая рыжую косу с лица, она тянулась за чем-то невидимым для Артема. Он видел только ее – вокруг клубился туман, в котором таяли очертания других людей и предметов.

Артем с трудом выдохнул сквозь плотно стиснутые зубы, и видение пропало.

«Да. Это Кая».

Он даже не знал, помнит ли Тень, как зовут его – Артема. За время их общения он успел понять о Тени не так много, как ему хотелось бы, но одно было ясно: Тень не интересовался именами... И, возможно, вообще не догадывался, зачем люди их используют.

«Камень в порядке», – подумал Артем и почувствовал, как по спине стекает новая струйка пота. Мысленно общаться с Тенью было все равно что ворочать глыбы высотой в человеческий рост.

«Камень – в Красный город. В Красный город». Тень слегка дрожал, как будто воздух вокруг него плавился. Каждый раз, когда они с Артемом говорили, Тень напоминал ему, что

камень обязательно нужно доставить в Красный город... Возможно, Тень не знал, что еще сказать Артему, – или полагал, что он туповат.

«Да, я знаю, – терпеливо подумал Артем. – Знаю. Знаю. Пожалуйста, скажи мне...»

На мгновение Артем замер, пытаясь понять, что именно хочет узнать больше всего. Что произошло пятьдесят лет назад, когда между нашими мирами стали открываться прорехи? Что такое красный камень, сложившийся из двух частей, который мы несем в Красный город? Что ждет нас там? Что я должен сделать?

Все эти вопросы мелькнули у него в голове и пропали. Артем знал, что бесполезно пытаться спросить о чем-то настолько сложном... Даже на то, чтобы впервые сказать Тени «здравствуй», у него ушло несколько попыток.

«Ты свободен», – ухнул голос у него в голове, и Тень неспешно скрылся в кустах. Видимо, Артем думал слишком долго. Некоторое время он стоял, прижавшись к клену, чувствуя, как постепенно в мир возвращаются привычные краски, тепло и свет. Ему всегда казалось, что одним своим присутствием Тень вытягивает все это, как губка... И все же каждый раз, видя его, Артем не мог сдержать восторга.

Ему удалось установить контакт с существом из прорехи – огромным, опасным и, главное, разумным. Да, до сих пор они не сильно продвинулись в общении, но Артем не унывал. С чего-то нужно было начинать.

Артем точно знал: он на пороге великого открытия, а значит, оставалось только двигаться вперед.

Он возвращался к лагерю караванщиков по собственным следам. Теперь он уже не боялся заблудиться, как прежде, и не боялся ходить по лесу один. Правда, громкий щелчок ветки или уханье совы до сих пор заставляли его нервно озираться и хвататься за оружие, и он ни мгновение не позволял себе быть беспечным... С другой стороны, втайне Артем полагал, что и Кая, когда ей не нужно изображать перед ним уверенность и невозмутимость, ведет себя точно так же.

Лес светлел. Артем задрал голову и увидел рваные облака. Они плыли по высокому закатному небу. Небо было оранжевым, цвета осени. Он глубоко вдохнул прохладный чистый воздух, зябко повел плечами. Пахло хвоей и немножко яблоками – возможно, где-то неподалеку росли яблони, а он и не заметил. Было бы здорово нарвать яблок и принести в лагерь – Кая их любила.

К вечеру стало прохладнее. Туман медленно полз по траве, словно с усилием перелезая через особенно высокие холмики или коряги, и Артем ускорил шаг. Нечисть любила туман, как и вообще влажность, и ему вдруг резко расхотелось искать яблони. Артем был почти уверен, что Тень, в случае чего, защитит тех, кто исполняет важную для него миссию... Вот только «почти» – это очень много, когда речь идет о человеческой жизни.

Из-за деревьев слышалось тонкое лошадиное ржание, и Артем с облегчением выдохнул – караванщики были совсем близко. Он свернул у пня, похожего на жабу, и увидел их лагерь.

Караванщики шли без остановок весь день, по очереди отдыхая в фургонах, а на ночь делали привал, чтобы дать поспать лошадям. Место для привала всегда шли искать разведчики – доступное для повозок и лошадей, несмотря на заросли и завалы, но при этом достаточно надежное место найти было непросто. Караван, к которому им с Каей посчастливилось прибиться по совету Дали вскоре после того, как они покинули Северный город, состоял из полутора десятков больших повозок.

Артему нравились эти фургоны. Они напоминали ему старинный бродячий цирк – такой он видел на картинках в книге. Они были покрыты одинаковой плотной тканью, пропитанной воском для защиты от дождя, и украшены нитками разноцветных стеклянных и глиняных

бусин, надписями и рисунками. На боку фургона, местечко в котором досталось им с Каей, было выведено синей краской «Глаза голубой собаки», а чуть пониже кто-то коряво нацарапал «Anno Domini». Что это значит, Артем не знал, но ему нравилось загадочное звучание обеих надписей и то, как нитки прозрачных бусин, развешанные над входом вместе со связками перьев и сухого чеснока, стучали друг об друга, когда они медленно продвигались вперед. Колеса повозок были старинными, с резиновыми шинами, снятыми с автомашин, и крутились с забавным шуршащим звуком. Артему нравилось, что караванщики любили свои фургоны и лошадей. Лошади с длинными косами грив и хвостов, крупные, холеные, выглядели более сытыми, чем люди.

Кая была против того, чтобы сближаться с кем-то из временных попутчиков, и на словах Артем соглашался с ней, но никто не мог помешать ему наблюдать. Он знал, что хозяин их фургона, высокий и молчаливый мужчина по имени Марк, зовет лошадей по именам и долго гладит каждую из них перед тем, как ложиться спать. Знал, что в следующем за ними фургоне живет семья цыган под предводительством статной однорукой Мамы Литы, о которой уважительно шепчутся вполголоса. Мама Лита носила несколько килограммов разноцветных бус, была знахаркой и умела предсказывать будущее, но делала это только для жителей общин, мимо которых им доводилось проезжать, или случайных путников. Никому из караванщиков Мама Лита не гадала, как ее ни просили.

Артем заметил также, что крупная, не по-женски сильная Лея, охранница каравана, сыплющая ругательствами направо и налево, любила читать, как и они с Каей. Время от времени он замечал ее с книгой в руках и изнывал от желания подойти и спросить, что она читает, но не смел.

До сих пор никто из караванщиков, которым они заплатили большей частью полученных в Северном городе лекарств и припасов, не пытался причинить им вреда или даже просто задеть. По большей части все они вели себя так, как будто ни Каи, ни Артема нет на свете, – просто жили своей жизнью, проходящей в пути, как ни в чем не бывало, смеялись, разговаривали, охраняли друг друга и лошадей, разводили костры, спали, бодрствовали.

В фургоне Марка было много места. Сам их хозяин проводил все время на козлах, а ночью предпочитал спать у костра, завернувшись в собственный плащ. Однажды Артем случайно заметил детские вещи в одном из углов фургона, хотя никакого ребенка рядом с Марком не было, и понял, почему их хозяин не жаждет задерживаться в собственном доме на колесах.

На ночь все фургоны расставлялись кругом, и внутри этого кольца у костра стояли лошади, то меланхолично жующие, то встревоженно прядающие ушами. Некоторые караванщики, как и их хозяин, предпочитали спать рядом с лошадьми, но большинство расходились по домам на колесах. Дневная работа была тяжелой: караван двигался по остаткам старых дорог, и редко больше получаса проходило без остановки – нужно было то убирать с дороги упавшее дерево или гору мусора, то освобождать из глубокой выбоины очередное колесо, то обходить участки, слишком плотно захваченные лесом. Кроме этого, каждый день дежурные двигались на некотором расстоянии от каравана, следя за тем, чтобы ни зверь, ни нечисть, ни человек не застали его врасплох.

Постоянное движение было их жизнью – в дороге они торговали, менялись, продавали информацию и слухи, охотились и брали попутчиков, но, проведя время с караванщиками, Артем окончательно уверился в том, что главной целью пути для них был сам путь.

Костер уже развели, и пламя бросало теплые отсветы на стенки повозок, расставленных вокруг. Искры и горящие сухие листья летели вверх, к звездам, в черный колодец бездонного неба. Пахло дымом и едой – одна из темноволосых смуглых дочерей Мамы Литы, которых Артем так и не научился различать, помешивала варево в общем котле, присев на корточки у костра. Запахло грибами и сухими травами, и рот Артема наполнился слюной.

Мама Лита сидела неподалеку от костра, в его неровном свете перекладывая единственной рукой засаленные карты и что-то бормоча. Несколько женщин с детьми несли к костру миски и ложки, оживленно переговариваясь по дороге. Двое ровесников Артема обходили периметр лагеря, окуривая его шалфеем, – здесь верили, что такая мера держит нечисть на почтительном расстоянии, и повторяли ритуал каждый вечер. Молодой кудрявый мужчина настраивал потрепанную кочевой жизнью гитару. Струны тихонько тренькали, и Артем подошел поближе, с жадностью вслушиваясь в зарождающуюся музыку и не переставая искать взглядом Каю.

Она вышла из-за фургона, неся две глиняные миски и ложки в одной руке и блокнот – в другой. Накануне им удалось вымыться речной водой, согретой на костре, и Каины волосы были чистыми. Сегодня она заплела их в две косы, перекинутые на грудь, и рыжие волосы золотились в свете костра. Она еще не заметила Артема, погруженная в собственные мысли, и ему вдруг показалось, что Кая выглядит очень грустной. Артем не обманывал себя – если это и было правдой, он вряд ли мог что-то с этим поделать – но все же сделал шаг вперед, к костру.

– Кая!

Она подняла на него серые глаза, слабо улыбнулась:

– Привет. Я прихватила твою миску.

– Спасибо.

Они уселись у костра, молча наблюдая за тем, как варево все кружится и кружится в котле. Артем покосился на Каю:

– Все хорошо?

– Потом. – Она кивнула на сидящих у костра людей, и ему пришлось смириться с тем, что ожидание ужина и сам ужин пройдут для них в молчании.

Артем был не против. За едой караванщики часто рассказывали истории – сегодня был как раз такой вечер. Отрывки рассказов сплетались, летели вверх с искрами от костра. Артем старался слушать внимательно, запоминать, на ходу пытаясь разобраться, сколько истины или выдумки в каждой из этих историй, но постоянно забывал о научном подходе, увлекаясь. Косясь на Каю, обнявшую колени и положившую на них голову, он видел, что и она слушает с интересом.

– ...А потом Ари решил остаться в том городе, с той прекрасной женщиной, и караван отправился в путь без него. Он догнал караван спустя две недели, лишившись руки и сердца. Он потерял руку в войне, а сердце – в доме той женщины. Выяснилось, что, едва караван продолжил путь, все в городе пошло не так. Человек в черном, стоявший за плечом у мудрого правителя города, решил захватить власть. Ари оказался в центре войны, от которой так упорно бежал всю жизнь. Ему пришлось выбирать сторону... Но его женщина выбрала другую. Так он вернулся в караван и больше не покидал его. Потому что верить жителям городов нельзя – там, где люди сидят на одном месте, рано или поздно рождаются интриги, обман и борьба за власть...

– ...Она нашла три яйца – ну, в начале, конечно, непонятно было, что это яйца. Думала, это просто камни, и все, но стала в своей повозке всюду возить их с собой. Ее муж не обращал на это внимания, и всем тоже было все равно, но очень зря. Когда муж погиб на охоте, она взошла на погребальный костер – так она любила мужа, что не хотела без него продолжать путь. Камни она взяла с собой – они были ей дороги. Но, когда костер погас, из камней, которые оказались на самом деле яйцами, вылупились невиданные твари. Видно, эти яйца выкатились из прорехи. Существа, которые из них появились, первой увидели ее – и стали считать ее матерью...

– ...А потом он вроде как и говорит ей: «Ладно, красотка, я пойду с тобой, но только если ты скажешь, как выбраться из этой пещеры живым». Он, типа, понравился ей, потому что

был сильным и хорошо владел мечом, и поэтому она дала ему клубок ниток, чтобы по ним он нашел обратный путь...

– ...Болотные хозяева вышли из озера, где открылась прореха, ночью. Их было сразу трое – а и с одним такому маленькому селению было бы непросто справиться. Когда отец того мальчика выбежал из хижины с копьем в руках, чтобы защитить мальчика и его мать, от деревни осталась только десятая часть и повсюду горел огонь – потому что кто-то решил поджечь сено на крышах. Думали, огонь отпугнет хозяев...

– ...Лесные псы были повсюду – так много, что за ними леса было не видно. Воин по имени Олег созвал дружину – так в их краях называют войско – и повел в бой. Когда они вышли за ворота, начался дождь, и в небе сверкали молнии. Они решили, что все потеряно, но потом случилось чудо – ни одна из молний, ударивших в тот день, не открыла новой прорехи. Некоторые, наоборот, пронзали лесных псов – от них оставались кучки пепла, и все. А людей молнии не трогали...

– Дело было в Красном городе, когда он еще носил другое имя...

– Ну, на сегодня хватит историй. – Мама Литя вылила остатки чая на землю рядом с костром. – Собирайтесь. Время отходить ко сну.

Перед отбоем караванщики тихо пели – очень тихо, так что их пение казалось частью мира вокруг, как плеск реки или шелест листьев. Это было пение шепотом, странное, колдовское, и Артем сидел и слушал, забыв про остывающие остатки похлебки в миске, когда Кая дернула его за рукав и взглядом показала на фургон. Неохотно он последовал за ней.

Кажется, никто особо не заметил их отсутствия – пение не смолкло, даже не дрогнуло, когда они забрались в фургон Марка и задвинули тяжелый входной полог за собой. Артем вдруг подумал, что они могут ошибаться насчет того, почему они с Каей то и дело стараются остаться наедине, и почувствовал, что краснеет. Внутри было темно, и Кая придвинулась очень близко к Артему, чтобы говорить как можно тише. В щелочку полога было видно луну, прикрытую облаком, и редкие точки звезд. Глаза Артема еще не привыкли к темноте, и он не видел Каю – только чувствовал тепло, шедшее оттуда, где она сидела. По полу он подвинул ладонь ближе к ней – совсем чуть-чуть. Все равно в темноте она не смогла бы этого увидеть.

– Ты снова говорил с ним?

– Да, – шепотом ответил Артем. – Он пришел.

– Что-то сказал?

– Ничего нового. Ну, то есть... Он сказал, что мы должны...

– «Отнести камень в Красный город». – Она тихо фыркнула. – Ты теряешь время... И подвергаешь нас опасности.

– Ничего подобного! – Его ощутимо ткнули локтем в бок; Артем охнул и заговорил тише: – Кая, это прогресс, большой прогресс по сравнению с тем, с чего все вообще начиналось. Неужели ты не понимаешь? Если дальше пойдет в том же духе, он сможет рассказать нам то, что знает.

– Если он что-то знает...

– ...И, может быть, даже рассказать нам о том, что находится за прорехами...

– Не знаю, кому это вообще может быть интересно...

– А я вот не понимаю, кем надо быть, чтобы не считать это интересным, – буркнул он, неприятно задетый.

Некоторое время они молчали.

– Ладно, – наконец примирительно прошептала она. – Артем, не злись. Я не об этом хотела поговорить.

– А о чем тогда?

Его глаза постепенно привыкли к темноте, и теперь он мог разглядеть рыжую прядь и часть щеки. Кая отвернулась.

– Сегодня я слышала от Леи, что уже завтра мы будем у Красного города.

Артем кашлянул:

– И?.. У нас появился план?

Кая рассеянно постучала по деревянному полу:

– Пока нет. Я все еще думаю, что мы разберемся на месте.

– Мы же не можем просто ходить и спрашивать у всех: «Извините, где здесь ученые, которые планируют спасти мир?»

Кая тихо и нервно хмыкнула:

– Скорее всего, нет. С другой стороны... Мы еще не знаем, как там у них все работает. Лея говорила, что попасть туда можно, но они захотят узнать, кто мы, откуда и зачем приехали.

– Придумаем имена? – с робкой надеждой спросил Артем.

Смысла в этом не было, но ему всегда хотелось проверить то, о чем он столько раз читал в книгах. Пусть и ненадолго, стать кем-то другим – заманчиво... Но, возможно, только для людей типа него самого.

– Зачем это надо, если нас и так не знают? – буркнула Кая, и на это Артему нечего было ответить.

– Не будем ничего придумывать, только запутаемся, – продолжила она, – скажем как есть. Что жили в разных местах с нашими семьями, остались вдвоем и... что кто-то из родни велел нам идти в Красный город, потому что там безопасно.

– Если мы выразим желание остаться у них, ты уверена, что нас потом выпустят?

Он не видел ее лицо, но был уверен, что Кая закатила глаза:

– Пустая трата времени, Артем. Мы понятия не имеем, кто они такие и чем занимаются... Поэтому нет смысла планировать наперед. Будем надеяться, что они хотят того же, чего и мы, и все.

«А чего хотим мы?» – подумал Артем, но промолчал.

– И еще: Тень не должен там появиться. Ему с нами нельзя. Можешь ему это сказать? – Она еще больше понизила голос, как всегда, когда говорила о Тени, и теперь Артем едва мог ее слышать.

Артем знал: она боится Тени, хотя никогда и не признается в этом. Вероятно, она была разумнее его: они оба помнили, как у них на глазах Тень растерзал человека, пусть даже и выпавшего из прорехи, с той стороны. «Если это вообще был человек, если там вообще могут быть люди, на чем и строятся все твои дурацкие теории», – пропел злорадный внутренний голосок, и Артем стиснул зубы.

– Это так не работает. Я не могу просто сказать ему что угодно, так, чтобы он...

– Тогда какой вообще смысл в том, что ты...

– Эй, голубки. – Снаружи послышался хриплый голос Марка, и край полога колыхнулся. – Я за одеялом, спать пора.

Звуки пения у костра смолкли, и ничто не нарушало тишины, кроме сонного фыркания лошадей, шагов дежурных, охраняющих лагерь, и звуков ночного леса. Как всегда перед сном, Артем и Кая сели у костра, он – с книгой, она – с блокнотом и карандашами. Никто здесь не возражал, главным было вести себя тихо, чтобы не потревожить спящих.

Артем с облегчением отказался от чтения учебника об электричестве в пользу книг, полученных от Дали в Северном городе. Дав себе честное слово вернуться к физике позже, он с головой ушел в новые волшебные миры. Сейчас он как раз читал про один из них. Планету, на которой происходило действие «Соляриса», почему-то оказалось проще представить, чем, например, атмосферу «Трех мушкетеров» или романов Тургенева, к тому же Артема поразила идея разумного океана.

– Кая, – шепнул он, отрываясь от чтения, – люди летали в космос, до того как... все случилось?

– Угу, – отозвалась она, продолжая рисовать, – дедушка говорил, что да. Ты же слышал о спутниках там, наверху?

– И они видели другие планеты?

– Ну, наверное, какие-то видели.

– И встречали там кого-то разумного?

Кая пожала плечами:

– Не думаю. В смысле... Мы бы об этом точно знали.

Артем замолчал, глядя вверх. Прямо над ним, холодные и любопытные, мерцали белые звезды – он насчитал шесть штук. Каждая из них могла иметь свою историю вроде той, которую он читал прямо сейчас. На каждой мог существовать разумный океан – сейчас или когда-то давно. Теперь было не узнать.

– Интересно, – прошептал он, – где-то, ну хоть где-то и с кем-то... случалось то, что случилось с нами? Если твой дедушка правду говорил про то, что планет – бесконечно много?

Рука Каи замерла над листом. Он обернулся и увидел, что и она тоже смотрит на звезды.

– Не думаю, – наконец сказала она. – В смысле... Звучит очень утешительно, и именно поэтому, думаю, это неправда.

Артему показалось, что она хотела добавить что-то еще, но Кая промолчала. Захлопнув блокнот, она упруго поднялась на ноги, отряхнулась:

– Пойду спать. До завтра.

– До завтра. – Артема тоже клонило в сон, но он остался сидеть у костра. Ему не хотелось лечь рядом с ней и засыпать вместе. Пару раз они ложились одновременно. После ночевки в палатке по очереди ему казалось, что это будет так тепло, так уютно... Но почему-то, вслушиваясь в тихое дыхание Каи и пытаясь угадать, спит она или притворяется, он чувствовал себя еще более одиноким, чем когда засыпал один.

Почитав еще немного, он уже собрался последовать за ней, как вдруг заметил четвертушку бумаги, видимо, выпавшую из Каинового блокнота. Ему показалось, что бумажка пуста, но он все же наклонился и поднял ее, перевернул... И увидел портрет, нарисованный с большой точностью. Смеющиеся глаза, жесткий рот, едва заметные светлые шрамы на лице, темные волосы.

Кая, должно быть, потратила несколько вечеров на то, чтобы нарисовать Гана, добившись такого сходства. Артем вдруг ощутил ком в горле – свидетельство обиды, жгучей, тошнотворной, детской. Все это время он, как дурак, радовался тому, что они стали меньше ругаться и больше разговаривать друг с другом... Она рисовала этот портрет долго – давно или недавно? Даже если давно – она не выбросила его, а продолжала носить с собой. «Да утомись ты, – дружески посоветовал внутренний голос, в котором в кои-то веки звучало сочувствие, – можно подумать, какие-то свои рисунки Кая выбрасывает».

– К черту, – мрачно пробормотал Артем (это ругательство было любимым у караванщиков и очень понравилось ему) и замахнулся, чтобы бросить листок в костер. Он почувствовал мстительное удовольствие при мысли о том, как лицо Гана скукожится и постепенно растворится в пламени. В конце концов, Кая ничего не узнает – подумает, что листок просто выпал, а она и не заметила. Может быть, у нее нет других его портретов... И так Кая быстрее его забудет.

Рука Артема дрогнула. Он осторожно сложил листок и сунул в карман, сам не зная почему. Возможно, потому что ему стало стыдно, а может быть, потому, что уж очень красивым был этот портрет... И у Артема не поднялась на него рука, как не поднялась бы на что-то живое и незащищенное.

– К черту, – еще раз произнес Артем, с удовольствием проговаривая каждый звук, встал и поплелся к фургону.

Глава 3

Кая

Каю разбудили крики. Она рывком вскочила, выпуталась из шерстяного серого одеяла и ойкнула, ударившись головой о дугу навеса. Потирая голову, она подошла к пологу фургона, отогнула в сторону тяжелую ткань.

Ночь ярко пылала оранжевым заревом. Пахло паленым, и мир был полон гомона и треска. Еще толком не выплыв из сна – ей снился лес, хвойный и холодный, – Кая нашарила в темноте рюкзак, в днище которого было зашито самое ценное – красный камень и дедушкины записи в непромокаемом чехле. Артем спал; она толкнула его в бок; во сне он тихо назвал ее по имени и попытался отвернуться.

– Артем, просыпайся, – прошептала она, – быстро. На нас напали.

Это на него подействовало: он резко сел, испуганно глядя на нее, сразу став похожим на самого себя в раннем детстве.

Снаружи бушевал пожар. Аккуратный костер, у которого вечером сидели караванщики, теперь был разбросан по всему лагерю, и одна из ближайших к нему повозок пылала. К счастью, те, кто там был, успели выбраться наружу. Несколько девушек-цыганок с причитанием метались вокруг своего пылающего дома. Лошади с диким, тонким ржанием рвались на привязях, но караванщикам было не до них... Да и кто бы решился сейчас к ним приблизиться?

Десятки людей носились среди повозок. Кая сразу увидела, что среди них – незнакомцы, и поняла, что озвученные ею догадки оказались правдой. На них действительно напали – теперь, когда они были так близко к цели. С досадой Кая вспомнила, как накануне у костра мысленно радовалась тому, до чего легким был их путь сюда... А ведь дедушка всегда говорил ей, что нет ничего глупее, чем радоваться раньше времени.

Кая увидела, как Марк сражается сразу с двумя. Они схватились на самой границе между лагерем и лесом. Марк двигался как-то странно, накренившись на один бок, и Кая заметила, что его рубашка пропиталась кровью.

– Он ранен, – напряженно сказал у нее над ухом Артем. Она покосилась на него и увидела, что он успел обуться и надел рюкзак. – Надо ему помочь.

– Мы почти добрались, – отозвалась Кая. Ей вдруг показалось, что ночь очень холодна – холоднее, чем предыдущие. – Мы не можем рисковать. Надо уходить.

Марк вскрикнул и упал на одно колено – но все еще продолжал отбиваться суковатой палкой. Его короткий меч лежал неподалеку, сломанный, бесполезный. В отсвете пламени Кая разглядела лица нападающих – перекошенные гневом, страшные... Жадные. Круглые, бритые, с маленькими глазками, они показались Кае совершенно одинаковыми... Караванщиков же – несмотря на все усилия держаться в стороне – она теперь различала.

– Ладно, – шепнула Кая, чувствуя, как холодеет в животе, – жди меня за фургоном, слышишь? Не высовывайся. – Она сунула ему рюкзак.

Больше не глядя на него – она знала, что Артем за ней не пойдет, – Кая двинулась вперед, нащупывая на поясе нож. Пока что можно не волноваться за Артема, и это хорошо. Ноги тряслись мелкой дрожью – и это плохо.

Рукоять ножа вдруг показалась горячей, почти раскаленной. Кае приходилось драться и убивать и раньше... Но нечисть. Не людей.

Времени думать не было. Она появилась как раз вовремя. Один из нападающих, видимо решив, что товарищ и сам справится, отвлекся. Второй заносил над головой Марка топорик

с зазубренным лезвием. Кая скользнула вперед – быстро, как лисица на охоте, и взмахнула ножом.

Ей показалось, что весь мир на мгновение замер – и языки пламени, лижущие остовы фургонов, и горящие связки перьев и бусин у входа. Стихли крики сражающихся. Замерли с глазами, полными слез, дети и женщины, которые растерянно метались вокруг... Разумеется, ее рука не соскользнула. Она не дала слабину в последний момент, не отвела удар вбок. Этот мужчина, круглый, похожий на кабана, сам в последний момент заметил ее, неожиданно прытко извернулся... И удар, четкий, сильный, хороший удар, который она направляла ему в шею, пришелся в плечо; и нож вонзился в тело не так глубоко, как она хотела. Все это было случайностью – не слабостью.

– А-а-а! – Мужчина взревел, отшатнулся, схватился за плечо... – Мак, сюда!

Тот, кого звали Маком, большой, свирепый, неся на подмогу к своему товарищу, из плеча которого все еще торчал Каин нож.

Ее взгляд метнулся вправо, влево – она искала увесистую палку или камень, оброненный кем-то нож, что угодно. Марк лежал на земле, опрокинувшись навзничь, тяжело дыша, и суковатая палка у него в руке была далеко... Слишком далеко от нее, и все происходило так быстро.

Сразу несколько вещей случились одновременно, как будто кто-то вдруг заставил время ускориться, спотыкаясь, понестись вскачь.

Чужак с ножом в плече, рыча, осел на землю неподалеку от Марка. Его лицо побелело, и Кая почувствовала, что ее мутит. Второй нападающий неся в ее сторону, воинственно размахивая обыкновенным, но оттого не менее смертоносным молотком, и Кая метнулась влево в отчаянной попытке увернуться от удара... А потом вдруг что-то огромное и черное, двигаясь со скоростью, недоступной ни зверю, ни человеку, с ревом пронеслось мимо и врезалось в Мака. Он все еще по инерции размахивал молотком, ставшим теперь бесполезным, жалким, неопасным... Нечеловеческий, мощный удар сбил его с ног, смял, как бумажную куклу.

Кажется, он кричал, не мог не кричать, а может быть, это кричала сама Кая. Как во сне она видела и брызги крови и чего-то отвратительно серого, и белые от ужаса глаза чужака, кажется, позабывшего о ноже в собственном плече... А потом она вдруг обнаружила, что лежит на спине и пятится, пятится, пятится, быстро перебирая руками и ногами. Левую руку обожгло болью – кажется, под ладонью хрустнул пылающий уголек, но Кая ощутила это как будто со стороны. Тень снова взревел и ринулся обратно, сбив с ног убегающего чужака с ножом. Первого он оставил лежать на земле, мягкого, красного... И Кая не хотела разглядывать то, что от него осталось. Ее спина уткнулась в борт одной из повозок, и она слепо шарила руками по земле, надеясь найти что-то, что могло бы сойти за оружие...

Тень носился по лагерю, сметая и круша все на своем пути. Опрокинулся и упал на бок их фургон, жалобно звякнув упряжью. Несколько лошадей, и без того гарцевавших и встававших на дыбы, совсем потеряли рассудок от ужаса и оборвали свои пути. Одна из них понеслась прямо на Каю... Спустя мгновение туда, где была ее кисть, опустилось тяжелое лошадиное копыто. Очень близко к ней сверкнул белком испуганный лошадиный глаз... А затем Тень настиг ее.

Кая видела, как еще сильнее закатился глаз лошади, слышала дикое, жалобное ржание, а потом Тень разорвал лошадь пополам – и помчался дальше, неуправляемый, дикий в своей ярости. Черные перья на его шее стояли дыбом, острая чешуя топорщилась, как шерсть на загривке у кошки, добравшейся до мыши. Зеленая слюна вперемешку с красным капала на землю, громко шипя там, где еще тлели угли пожара.

Чужаки бежали прочь, и бежали караванщики – Кая видела прыгающие спины, исчезающие в лесу. Теперь они не сражались между собой – никому больше не было дела ни до добычи, ни до повозок...

Кая сидела на земле. Все еще не могла заставить себя подняться. Она смотрела прямо в остекленевшие лошадиные глаза, на вывалившиеся на землю внутренности, от которых поднимался пар. Стиснув зубы, Кая попыталась унять дрожь. От железного запаха крови мутило. Вся она, казалось, с ног до головы была покрыта липкой лошадиной кровью, и запах тоже был повсюду, как будто его источала сама ночь.

В мозгу вспыхнуло: «Артем». Он все еще был где-то там, где бесновался и убивал все, что видел, Тень. Кая с трудом перевернулась – в теле словно не осталось ни одной кости – и почти сразу увидела Артема.

Он стоял там, где она его оставила, – рядом с их фургоном, опрокинутым мощным ударом набок. Лицо Артема казалось странно отрешенным, как будто он не слышал криков ужаса, не видел ни огня, ни крови, ни черного чудища. А потом она увидела, как Тень мучительно медленно приближается к нему. Она смотрела, и это было как страшный сон, от которого не получается проснуться. Кая ничего не могла сделать, чтобы помочь Артему, – проще было бы остановить смерть... Тень и был – сама смерть, и Кае показалось, что даже издалека она может почувствовать его запах – запах гнили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.